

А. Н. РОБИНСОН

«Русская земля» в «Слове о полку Игореве»

Академик А. С. Орлов писал: «Героем Слова является „Русская земля“, добытая и устроенная трудом великим *всего русского народа*».¹ В первой части этого предложения перед нами метафора, удачно характеризующая идейное содержание «Слова о полку Игореве», во второй — явное добавление, не предусматривающее исторической характеристики предмета.²

Впервые в «Слове» интересующее нас понятие употребляется в следующей фразе: (Игорь) «... наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцкую за землю Руськую». Обычно комментаторы «Слова» оставляют это словосочетание («... землю Руськую»), а нередко и всю приведенную фразу без объяснений, полагая, очевидно, что содержание ее само собой понятно.³

В отдельных случаях поясняются сочетание «на землю Половѣцкую».⁴ Что же в таком случае комментаторы понимают под «Русской землей» в «Слове»? Наиболее типичной представляется нам концепция, выраженная А. С. Орловым: образ Святослава (двоюродного брата Игоря) определяется как «образ сюзерена княжеской Руси, блюстителя Русской земли»,⁵ «Как бы из уст Святослава идут далее обращения во все стороны Руси со словами пламенного призыва князей „поблюсти“ золотой стол киевский, выступить „...за землю Русскую, за раны Игоревы“».⁶ Это мнение отмечено очевидным смещением понятий: стилистически эта точка зрения оформляется путем объединения двух терминов, как будто бы взаимозаменяемых, «Руси» вообще (т. е. всех восточнославянских княжеств, сюзереном которых, хотя бы номинально, представляется Свя-

¹ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. 2-е дополненное издание. М.—Л., 1946, с. 48.

² Это вариант формулы, которую сообщил Владимиру Мономаху митрополит Николай: «Молимся, книжо, тебе и братома твоима, не мозете погубити Руськыя земли. . . , иже беша стяжали отци ваши и деды ваши трудом великим», — *Летопись по Лаврентьевскому списку*, СПб., 1897, с. 254 (здесь и далее обозначается в скобках в тексте — Л, с указанием страницы). Как видно из текста, речь идет о княжеском роде; говорить о «всем русском народе» применительно к эпохе феодальной раздробленности (XII в.) исторически преждевременно.

³ См., например, в нескольких изданиях «Слова», относящихся к числу лучших: Слово о полку Игореве. Редакция древнерусского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги. М.—Л., 1934, с. 239; А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, с. 90; Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 380. [Подготовка текста и комментарий Д. С. Лихачева]; Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения. Под общей редакцией В. Ржиги, В. Кузьминой и В. Стеллецкого. М., 1961, с. 315; Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Изд. 2-е. Л., 1967, с. 473. [Вступительная статья Д. С. Лихачева, примечания О. В. Творогова и Л. А. Дмитриева].

⁴ Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия. Л., 1952, с. 239—240. [Вступительная статья Л. А. Дмитриева и В. Л. Виноградовой, подготовка текста и комментарий Л. А. Дмитриева].

⁵ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве, с. 33.

⁶ Там же, с. 34.

тослав Киевский) и «Русской земли», к защите которой «Слово» призывает «русских князей» (т. е. многих восточнославянских князей). При этом историческое содержание понятий «Русская земля», «русские князья», «русские полки», имеющих в «Слове», как правило, исследуется недостаточно.

Исторические оценки той эпохи, когда было создано «Слово» (конец XII в.), как эпохи феодальной раздробленности, вполне справедливы. Например, Д. С. Лихачев пишет, что «образуется множество феодальных полугосударств-княжеств, вступающих во вражду между собой, оспаривающих друг у друга владения. Единое в X—начале XI в. древнерусское государство в XII в. распадается окончательно».⁷ В другом случае говорится, что Киевская Русь, эта «раннефеодальная империя», как «форма единой автократической империи уже изжила себя».⁸ «Феодальные княжества XII в. были вполне сложившимися государствами. Их князья обладали всеми правами суверенных государей... Власть киевского князя безвозвратно отошла в прошлое... Самую верхнюю ступень занимал уже не один киевский великий князь; в XII в. титул великого князя применялся и к черниговским, и к владимирским, и к другим князьям. Их великие княжения вполне соответствовали и по размерам территории, и по внутренней сущности западноевропейским королевствам... Киев не управлял больше русскими землями».⁹ Даже в эпоху татаро-монгольского нашествия «князья... не могли... преодолеть феодальную разобщенность, противоречивость интересов феодальных владетелей».¹⁰

Если признать правильной концепцию существования в XII в. целого ряда (около 15) древнерусских (восточнославянских) княжеств как суверенных «полугосударств» или даже «государств», со своими различными интересами и разной политикой, а это, очевидно, так и было, то придется ограничить обычное понимание содержания «Слова» в том смысле, что автор его брал на себя заботы об интересах «всей Руси» (всех восточнославянских княжеств), в то время, когда он призывал многочисленных князей объединиться для отражения половецкой опасности. В действительности, как мы полагаем, автор заботился об интересах только «Русской земли» (собственно южной Руси), призыв же его был поэтической гиперболой, не вызвавшей никаких политических последствий: призываемые князья (кроме Рюрика) не объединились со Святославом, что и не вызывалось необходимостью, так как и без них одни только южнорусские князья быстро справились с набегами Кончака и Гзака, последовавшими за поражением Игоря.

* * *

Итак, защита «Русской земли», — несомненно, главная тема «Слова», но содержание этого понятия в памятнике требует исторического определения.

Исследователи давно уже обратили внимание на то обстоятельство, что в разные времена и в различных летописных контекстах понятие «Русь» (или «Русская земля») наполняется разным содержанием. М. Н. Тихомиров отметил, что в «XII—XIII вв. название „Русь“ обозначало опре-

⁷ Д. С. Лихачев. Слово о полку Игореве. Историко-литературный очерк. Изд. 2-е. М.—Л., 1955, с. 11.

⁸ История СССР. Первая серия, т. I. М., 1966, с. 574, 576. [Б. А. Рыбаков — главный редактор].

⁹ История СССР, т. I, с. 577, 578 и сл.

¹⁰ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 205.

деленную область: Киевскую землю в узком смысле слова».¹¹ По наряду с этим употреблялось и «более широкое понятие „Русской земли“ в применении ко всем восточнославянским землям, входившим в состав Киевского государства».¹² «Название „Русь“ — древнее прозвище Киевской земли, страны полян, известное уже в первой половине IX в.».¹³

«Текст „Повести временных лет“, — писал Б. А. Рыбаков, — дает право объединять Киев, Чернигов и Переяславль в одно целое. Этим целым была „Русь“, заменившая собой название „Поляне“».¹⁴ Рассмотрение летописных определений Русской земли в XI—XII вв., пишет Б. А. Рыбаков в другой своей работе, «привело нас к выводу о существовании трех географических концентров, одинаково называемых Русью или Русской землей: 1) Киев и Поросье; 2) Киев, Поросье, Чернигов, Переяславль, Северская земля, Курск и, может быть, восточная часть Волыни, т. е. лесостепная полоса от Роси до верховьев Сейма и Дона; 3) все восточнославянские земли от Карпат до Дона и от Ладоги до степей Черного (Русского) моря».¹⁵ В слова «Русская земля», пишет Б. А. Рыбаков, «средневековые авторы вкладывали два различных понятия; во-первых, так называли часть лесостепного пространства на юге Руси от Киева до Курска; во-вторых, так постепенно стали называть всю совокупность восточнославянских земель».¹⁶

Рассматривая эти же понятия, Д. С. Лихачев пишет: «Гораздо реже случаи, когда под словом „Русь“ и „русский“ разумеется не вся страна восточных славян, а лишь ее киевский участок. Замечательно, однако, что это более узкое значение слов „Русь“ и „русский“ получает распространение по преимуществу в период феодальной раздробленности — в XII и XIII вв.».¹⁷

А. В. Соловьев показал, что широкое понятие «Руси», или «всей Руси» (как всех восточнославянских княжеств), в двух случаях имело постоянное значение: в сфере церковной жизни и в области внешней политики по отношению к европейским странам (например, новгородцы или смоляне в договорах с иностранцами назывались — «рус» или «руси»).¹⁸ Вообще в течение двух столетий, по А. В. Соловьеву (911—1132 гг.), понятия «Русь» или «Русская земля» означали всю страну. Но в период феодальной раздробленности, особенно во второй половине XII в., как отмечает А. В. Соловьев вслед за Д. С. Лихачевым, эти понятия стали закрепляться преимущественно за Киевской областью. В междоусобной борьбе княжества (например, Галицкое) начинают противопоставлять себя «Руси» или «Русской земле». А. В. Соловьев отмечает, что в это время «Слово о полку Игореве» идеализировало верховную власть киевского великого

¹¹ М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская». — В кн.: Советская этнография. Сборник статей, вып. VI—VII. М.—Л., 1947, с. 61.

¹² Там же.

¹³ Там же, с. 80.

¹⁴ Б. А. Рыбаков. Поляне и северяне (к вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре). — В кн.: Советская археология. Сборник статей, вып. VI—VII. М.—Л., 1947, с. 86. Поляне занимали территорию на правом берегу Днепра, с севера ограниченную Вышгородом, Белгородом и Василевом, на юге доходившую до р. Роси, а под натиском кочевников сокращавшуюся до р. Стугны (там же; см. так же: М. Грушевський, Історія України — Руси, т. I. Львів, 1904, с. 167—168).

¹⁵ Б. А. Рыбаков. Древние русы. — Советская археология, М., 1953, вып. XVII, с. 39.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971, с. 157.

¹⁷ Повесть временных лет, ч. 2. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), с. 239—240. [Статьи и комментарии Д. С. Лихачева].

¹⁸ Der Begriff «Russland» im Mittelalter. Von Alexander Soloviev (Genf). — Studien zur älteren Geschichte Osteuropas, I. Teil, Festschrift für Heinrich Felix Schmid, Graz—Köln, 1956, S. 149—150.

князя Святослава. Для автора «Слова» (возможно, придворного князя Святослава), по мнению А. В. Соловьева (впрочем, приведенному без аргументации), понятие «Русской земли» имело наиболее широкий охват.¹⁹

В книге, специально посвященной данной проблеме, А. Н. Насонов пришел к выводу о том, что «пределы „Руси“, „Русской земли“ определяются территорией Переяславской „области“, Черниговской, за исключением северных и северо-восточных ее частей, и Киевской „области“, за исключением Деревской и Дреговичской земель. Нет данных о верхнем Посемье с Курском. . . , нельзя быть вполне уверенным, что северянская территория по верхнему Посемью не входила в состав „Русской земли“; во всяком случае, вопрос этот приходится оставить открытым».²⁰

Учитывая изложенные концепции, мы можем констатировать, что «Русь», или «Русская земля», представляла собой издревле населенную полянами сравнительно небольшую область Среднего Поднепровья, которая со времени завоевания Киева Олегом Вещим (882 г.) стала политическим ядром империи Рюриковичей.

Объединение восточнославянских племен и некоторых племен неславянских в раннефеодальную империю хорошо показано летописью, отметившей их неравноправное положение. «Се бо токмо словенск язык в Руси: поляне, деревляне, ноугородьци, полочане, дреговичи. . . , север, бужане. . . , вельяние. А се суть инии языцы, иже дань дають Руси: чюдь, меря, весь, мурома, черемись, мордва, пермь, печера, ямь, литва» (Л, 10). В летописи особо выделены «поляне, яже ныне зовомая Русь» (Л, 25). Центром империи был Киев: «. . . и рече Олег: „Се буди мати градом русьским“. И беша у него варязи и словени и прочи прозвашася русью» (Л, 23).

Изложенная ПВЛ концепция Руси как империи Рюриковичей была фактом феодального общественного сознания изучаемого времени. В XII в. эта концепция была живой и в родовом княжеском предании, поскольку, наряду с христианскими именами, князья продолжали называть своих сыновей именами предков — варяжскими и славянскими (языческими), причем именно эти дохристианские имена фигурировали в летописании и вообще в литературе (очевидно, в соответствии с бытом). Христианские же имена, в качестве церковных дубликатов вышеуказанных имен, упоминались лишь в определенных ситуациях (в сообщении о рождении или смерти князя, о создании им церкви в память одноименного с ним святого и т. п.). Достаточно вспомнить, что в «Слове», в числе его героев, названы князья, носящие варяжские имена первых основателей династии — Рюрик (Ростиславич), Олег («Гориславич»), Олег (Игоревич), Игорь (Святославич), а также славянские имена ближайших преемников основателей династии — Святослав (Всеволодич), Владимир (Всеволодич, Мономах), Владимир (Игоревич), Ярослав (Владимирович, «Старый»), Ярослав (Всеволодич).

В процессе распада империи Рюриковичей связанная с нею широкая концепция «Руси», или «Русской земли», постепенно перестала отвечать интересам образовавшихся частично или полностью самостоятельных княжеств. Ко второй половине XII в. уже прочно утвердилось понятие «земли» как суверенного объединения («Суздальская земля», «Северская земля», «Новгородская земля» и др.). Только в одном случае, а именно в понятии «Русская земля», имелось в виду такое исторически сохранив-

¹⁹ Там же, с. 149.

²⁰ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951, с. 29. См. также: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2-е. М., 1953, с. 214, 249—250.

шееся явление, при котором в это объединение входило несколько компонентов: бывшее Киевское княжество, Переяславское, видимо, большая часть Черниговского княжества. По территории своей «Русская земля» вновь заметно сократилась, вернувшись в известной мере к древним границам Среднего Поднепровья (ранее населенного полянами). Центр этой «земли» — Киев не только утратил свое значение столицы («матери») всех городов империи, но даже лишился суверенных прав в собственном княжестве. Киевского княжества как государства более не существовало, так как городом Киевом владел в интересующее нас время один князь (Святослав), а землями киевщины — другой (Рюрик Ростиславич), и устойчивость этого «дуумвирата» (по определению Б. А. Рыбакова) была весьма относительной. «Русская земля», постепенно ослабевая как государственное объединение, все более расчленяясь, сделалась объектом феодальной борьбы, во-первых, между собственными князьями (группа «Ольговичей» и группа «Ростиславичей»), а во-вторых, между князьями других княжеств. Сторонние наблюдатели ясно замечали процесс государственного разложения «Русской земли». Так, новгородский летописец писал (1140 г.): «Ходи Мирослав посадник из Новгорода мирить кыян с черниговцы, и приде, не успев ництоже, силно бо възмялася земля Русская», «и раздрася вся земля Русская» (Н1, 23).²¹

В этой обстановке само определение «русские» обычно не применялось, судя по летописи, ни к княжествам, находившимся за указанными пределами «Русской земли», ни к населению этих княжеств, в которых жили «суздальцы», «ростовцы», «новгородцы», «смоляне», «рязанцы», «черниговцы» и др. (по названиям столичных городов), а также еще — «вятичи», «древляне», «радимичи» и др. (по старым названиям племен).

Как отмечалось выше, в период феодальной раздробленности возникла новая концепция понятия «Русь», «Русская земля», как уже не включавшая в себя многих восточнославянских «земель», а противопоставляемая этим «землям». Можно предполагать, что в обстановке экономического усиления и политического обособления восточнославянских княжеств, а также зарождения в них собственных династий, образовывавшихся из разветвлений рода Рюриковичей, в крупнейших из этих самостоятельных княжеств стали появляться первые стимулы национально-идеологической дифференциации. Одним из проявлений такого нарождающегося самосознания могло оказаться отрицательное отношение к старой концепции понятия «Русь», «Русская земля», не только вследствие того, что оно уже не отражало реального соотношения государственно-политических сил эпохи, но и вследствие «варяжского» (как тогда представлялось) происхождения «Руси», которое связывалось с историческими воспоминаниями о принудительном объединении земель, теперь активно стремившихся к самостоятельности.

Таким образом, концепция понятия «Русская земля», первоначально населенная главным образом полянами с центром в Киеве, быстро разрослась в представление об обширной империи Рюриковичей, а затем, с ее распадом, постепенно все более сужалась, возвращаясь к представлению об изначальных ее размерах. Во второй половине XII в. «широкая» концепция понятия «Русская земля» существовала преимущественно как историческое предание, а «узкая» концепция — как обычная политическая реальность. Анализируя содержание понятия «Русская земля» в «Слове», не следует смешивать разные указанные выше концепции этого понятия, существовавшие в XII в.

²¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (издание А. Н. Насонова). М. — Л., 1950 (здесь и далее обозначается в скобках в тексте — Н1, с указанием страницы).

«Слово» сложилось, по нашему представлению, как лиро-эпическое дружинное произведение (песня, чередующаяся с прозаическим речитативом) вскоре после возвращения Игоря из половецкого плена (во время его приезда в Киев), а затем оно постепенно (по крайней мере до начала XIII в.) насыщалось новейшими событиями, связанными с его героями (возвращение из плена Владимира Игоревича), походами на ятвягов (1196 г.) и половцев (1202 и 1205 гг.) Романа Мстиславича и т. п.²² Автор «Слова» и первый его исполнитель, видимо — родовой певец князей Ольговичей, скорее всего служивший Святославу Киевскому, изображал современные ему события похода Игоря и обращался к князьям, своим современникам, заботясь о благе «Русской земли». Поэтому нам прежде всего предстоит выяснить, в каком смысле употреблялось понятие «Русь», «Русская земля», летописью применительно к этим же князьям, героям «Слова».

* * *

Летописные материалы красноречиво свидетельствуют об ограниченном толковании понятия «Русь», «Русская земля», во второй половине XII в. Например, в 1180 г. «послаша новгородѣци к Святославу в Русь по сын» (НІ, 36), они взяли себе из Киева епископа (при Святославе) и его «привезоша из Русе» (НІ, 40); «... иде князь Святослав..., Олгов вѣнук, из Руси на Суждаль ратью на Всеволода» (Большое Гнездо; НІ, 36); он «пожга город Дмитров, возвратися опять в Русь, а князь Всеволод в Володимерь» (ЛІ, 368). Когда тот же Всеволод отдавал свою восьмилетнюю дочь Верхуславу замуж за Ростислава Рюриковича (сына героя «Слова»), он отпустил ее «в Русь с великою любовью» (И, 658).²³ Проводив ее туда, «сестричь» князя Яков вернулся — «приеха из Руси» (И, 659). Умирая, Давыд Смоленский (1197 г.) «сына своего Костянтина в Русь посла брату своему Рюрику на руце» (И, 704—705). Так определяли положение «Руси» восточнославянские княжества, лежавшие за ее пределами. Так же воспринималось понятие «Русь» при рассмотрении ее собственных внутренних дел. Например, на «Руси» сложилась определенная политическая ситуация, когда молодой Ростислав Рюрикович совершил удачный набег на половцев (1193 г.) и явился к своему отцу в Овруч (который уже не входил в «Русь») для совместного похода на Литву. Тогда «Святослав же посла Рюрикови, река ему: „Се сын твой заял половци, зачал рать, а ты хочеш ити инамо, а свою землю оставив, а ныне поиди в Русь, стережи же своя земля“. Рюрик же, оставя путь свой, иде в Русь со всеми своими полкы» (И, 672). Такой же термин применялся для обозначения войска: «Собравшю Рурику (1202 г., — А. Р.) половци и руси много и поиде на Галичь» (И, 717).

Не менее показательно однозначное с термином «Русь» словосочетание «Русская земля», в особенности в тех случаях, когда летопись подчеркивает, что речь идет о ней «всей». Когда Мстислав Киевский собрал

²² На датировку этих походов применительно к содержанию «Слова» справедливо указал Д. Н. Альшиц (см.: Сборник ответов на вопросы по литературоведению. IV Международный съезд славистов. Редколлегия: Н. К. Гудзий, С. В. Никольский, А. Н. Робинсон. М., 1958, с. 37—41. Наша концепция «Слова» изложена в докладах: А. Н. Робинсон. 1). Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур (типология, оригинальность, метод). — Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. Прага, август 1968 г. М., 1968, с. 49—116; 2) О закономерностях развития восточнославянского и европейского эпоса в раннефеодальный период. — Славянские литературы. VII Международный съезд славистов. Варшава, август 1973 г. М., 1973, с. 178—224.

²³ Ипатьевская летопись. — ПСРЛ, т. II. М., 1962 (здесь и далее обозначается в скобках в тексте — И, с указанием столбца).

у себя князей из Луцка, Дорогобужа, Овруча, Турова, Вышгорода для похода на половцев (1168 г.), они сказали ему: «... то есть нам на часть и всей Руской земли» (И, 541).²⁴ Рядом с понятием «всей Русской земли» фигурирует соответственное ему объединительное политическое понятие «власть русская». Оно относится к междоусобной борьбе героев «Слова». В 1180 г. Святослав «помысли во уме своем, яко Давыда ему, а Рюрика выжену из земле и прииму един власть рускую с братьею» (И, 615). Но осуществить это Святославу не удалось: в итоге столкновений Рюрик заключил с ним договор, окончательно расчленивший Киевское княжество, и уступил «ему старейшинства и Киева, а себе взя всю Рускую землю» (И, 624). Изучаемое словосочетание, кроме территориально-политического значения, имело также значение объединения «всех» русских князей и их войск. После поражения Игоря Святослав, Рюрик и Владимир Глебович Переяславский (тоже герой «Слова») подошли к Каневу, «половци же, услышавше всю землю Рускую идуще, бежаша» (Л, 378).

Итак, в политической жизни князей — героев «Слова» существовало, как правило, ограничительное представление о «Руси», «Русской земле», как области Среднего Поднепровья. Желая быть правильно понятым своими адресатами, автор «Слова» должен был пользоваться именно этой концепцией.

Но эта «постимперская» концепция получала еще свою внутреннюю дифференциацию. Северские князья, младшие Ольговичи (герои «Слова»), Игорь Новгород-Северский, его сын Владимир Путивльский, Игорев брат Всеволод (буи тур) Трубчевский, племянник Святослав Рылский, в случае конфликта с Рюриком, который владел Киевскими землями, не считались ни летописью, ни, очевидно, враждовавшими с ними другими южно-русскими князьями принадлежащими к «Руси». Когда, например, Святослав в 1181 г. при помощи половцев захватил Киев, «половци же испросиша у Святослава Игоря (в качестве полководца, — А. Р.). . . , Святослав же отпусти» его. Против них Рюрик послал свои войска, которыми руководили «воеводы рускеи» (М., 621—622). Войска Игоря потерпели поражение, так как «Русь же потопташа ё, подчиненные ему «половци бегающе пред русью». Бросив полки, Игорь и его союзник половецкий хан Кончак «вскочивша в лодью, бежа на Городец к Чернигову». Победа над ними войск Рюрика получила традиционное определение — «и тако поможет бог Руси» (И, 623).

Здесь «Русь» и «воеводы русские», во-первых, четко определены по своей принадлежности, во-вторых, отделены от Игоря и, естественно, — от его половецких союзников. Напротив, при описании битвы Игоря и его княжеской группы с половцами, в том числе с Кончаком (1185 г.), северские войска называются «русью»: половецкие «стрельцы» — «пустивше по стреле на русь» (И, 639). Затем Святослав говорит о группе Игоря: «О, любя моя братья и сынове и муже земле Руское» (И, 645). Эти колебания, связанные с политической возможностью или невозможностью отнесения северских и близких к ним князей к «Руси», будут прослежены нами и в дальнейшем.

Понятие «Русская земля» употреблено в «Слове» 21 раз. Ареал этого понятия в основном очерчен так же, как и в летописях, но с некоторой тенденцией к его расширительному толкованию, как раз за счет включения в него Игоря и его группы (т. е. северских и союзных с ними князей).

Попытаемся классифицировать отношение «Слова» к понятию «Русская земля» по нескольким признакам. Смысловой контекст употребления

²⁴ Таким образом, в эту эпоху формула летописи о «всей Русской земле» не означала всех восточнославянских княжеств.

в «Слове» этого понятия свидетельствует о том, что оно не отклонялось сколько-нибудь от современных ему географических и политических представлений, отразившихся в летописях. «Слово» призывает не только Рюрика Ростиславича, владевшего «всей Русской землей», выступить «за землю Рускую», «за раны Игоревы»,²⁵ но и его брата Давыда, обладавшего «Смоленской землей»; также — Всеволода, князя «Суздальской земли», Ярослава Осмомысла, владевшего «Галицкой землей», и ряд других князей, княжества которых были весьма далеки от «Русской земли», совершенно от нее не зависели и от набегов половцев не страдали. Если допустить, что автор «Слова» все восточнославянские княжества считал «Русской землей», а всех князей — «рускими», то его обращение к ним с призывом выступить на защиту своих собственных владений стало бы беспредметным. Когда автор мечтал о созыве (совершенно нереальном и для защиты от половцев ненужном) около 14 князей, не относящихся к «Русской земле» (кроме Рюрика), то он придавал этому призыву определенный ограниченный смысл (не только «за землю», но и за «раны») — «за землю Рускую, за раны Игоревы, буюго Святъславлича». Поражение Игоря (и его группы) мыслилось здесь в качестве пояснительного синонима к понятию «Русская земля», впрочем, синонима гиперболического (даже по отношению к узкому пониманию термина «Русская земля»). Такое же преувеличение значимости третьестепенного князя Игоря наблюдается в следующих двух сопоставлениях: «Тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу кромѣ головы, — Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтитя на небесѣ — Игорьъ князь въ Руской земли».

В «Слове» в качестве места действия, современного сюжету, названы те города, которые и в действительности находились в «Русской земле»: Киев, Чернигов, Переяславль, Рымов. Летопись знает «города русские» (Кончак якобы стремился пленить «грады русские» в 1185 г.; И, 634), один из которых имел даже собственное определение как «Русский». Так, Всеволод (Большое Гнездо) послал (1201 г.) «сына своего Ярослава в Переяславль в Русьский княжить» (Л, 395).

Символические описания «Русской земли» и ее центров в «Слове» взаимосвязаны: «А въстона. . . Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми. Тоска разлися по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи». Здесь совершенно правильно говорится о том, что печаль распространилась «посреди» этой «земли», т. е. — в Киеве и в Чернигове. Это образное допущение так же верно, как и утверждение, что битва Игоря с половцами происходила «среди земли Половецкыи», т. е. во владениях тех ханов (Кончака, Гзака и др.), с которыми он боролся.

Но, кроме собственно «руских» городов, в «Слове» названы (с некоторым расширительным пониманием) города — Новгород (Северский), Путивль, Курск, — владения младших «Ольговичей», — которые автор тоже относит к «Русской земле», хотя в летописи в это время намечено их обособление: «Северьские города» (И, 628—629) или «города Посемьские» (И, 645). Присоединение этих городов к «Русской земле» вытекает из представления автора о действиях половцев: «. . . по Руской земли прострошася половци, акы пардуже гнѣздо». Действительно, после поражения Игоря, Кончак подошел к «русскому» городу Переяславлю, а Гзак — к Путивлю. Разумеется, не может быть и речи о том, что автор писал

²⁵ Здесь и далее «Слово» цит. по изд.: Слово о полку Игореве. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»). Текст подготовил к печати Д. С. Лихачев; орфография соблюдается, страницы не указываются; при цитировании других памятников орфография модернизируется по существующим правилам. Подбор примеров см.: Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Составитель В. Л. Виноградова, вып. 2. Л., 1967, с. 126—130.

о военных действиях половцев на просторах всех восточнославянских княжеств, так как таких действий не было. Но даже в том случае, если принять здесь действительное понимание его современниками «Русской земли» как Среднего Поднепровья, то и тогда перед нами поэтическая гипербола. Ведь половцы вовсе не простерлись по «Русской земле» (даже в «узком» смысле), а лишь затронули ее южные и юго-восточные зоны (к которым «Слово» относит и Посемье). Кончак подошел, как отмечено, к Переяславлю, а Гзак — к посемскому городу Путивлю. «Слово» говорит: «... а погани съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую». Действительно, наблюдались довольно частые набеги половцев на «Русскую землю» — Среднее Поднепровье — с разных сторон: юго-западной, южной и юго-восточной. И в данном случае половцы разделились: объединение донских половецких родов двинулось в сторону Киева (но дошло оно только до Переяславля), а донецкие половцы, во главе со Гзаком, двинулись в сторону Посемья. Вторая часть фразы — приходили «съ побѣдами» — тоже поэтическая гипербола, так как общих побед половцев над «Русской землей» (даже в ее ограниченном понимании) не было никогда, а имели место более или менее успешные локальные и кратковременные грабительские набеги.

После грустного замечания о поражении Игоря — «А Игорева храбраго плъку не крѣсити», — дается символическая картина, очевидно, ориентированная на те же южнорусские пределы: «За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Рускои земли... Жены руския въсплакашась, аркучи: „Уже намъ своихъ милыхъ ладъ... ни очима съглядати“». Как видим, речь идет о «русских» женах (Игоря и его соратников), и именно здесь по «Русской земле» поскакали Карна и Жля.

Далее после уже приведенного фрагмента о печали, постигшей Киев и Чернигов, говорится: «А князи сами на себе крамолу коваху, а погани сами, побѣдами нарицуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора». Действительно, междоусобная борьба князей, владевших «Русской землей» (не говоря уже о всех восточнославянских князьях), была почти постоянной (войны между Святославом и Рюриком, Игорем и Владимиром Глебовичем Переяславским, и т. п.). Что же касается второй части фразы о том, что половцы «сами» приходили с победами, то это значительное преувеличение: обычно половцы приглашались кем-либо из князей в качестве союзников для борьбы с другими князьями. В этих случаях бывали и победы, и поражения (например, поражение Игоря и Кончака в борьбе с войсками Рюрика). Конец фразы («емляху дань») — очень архаичная поэтическая гипербола, — половцы дани с русских не брали, так как не могли этого сделать.

Исходя из своих общих понятий об ограниченных Средним Поднепровьем пределах «Русской земли», летописец охарактеризовал результат неудачного похода Игоря и его группы: «...отвориша ворота на Русьскую землю» (И, 645). О том же и в таком же смысле говорит «Слово»: «Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами на землю Рускую».

В «Слове» есть такого рода случаи употребления понятия «Руская земля», значение которых выступает не столь определенно, как в приведенных выше. Например, известный рефрен: «О Руская землѣ! Уже за шеломянемъ еси!».²⁶ Но среди всех случаев употребления понятия «Русская земля»

²⁶ В научной литературе встречаются два основных предположения: во-первых, здесь усматривается «Русская земля» как страна, от которой Игоревое войско уже удалилось, зайдя за пограничный вал, холм (предположение более вероятное, подтверждаемое в комментарии Д. С. Лихачева); во-вторых, «Руская земля» понимается как Игоревое войско, уже находящееся за пограничными сторожевыми курганами, т. е. углубившиеся в половецкие владения (предположение, выдвигаемое В. И. Стеллецким).

в «Слове» нет ни одного, который позволил бы подразумевать в нем представление автора о всех восточнославянских княжествах.

Понятие «Русская земля» в «Слове» характеризуется еще тем обстоятельством, что оно выступает в прочной связи со своим антиподом — понятием «Половецкая земля», ²⁷ что вполне закономерно, так как в действительности именно эти две «земли» были длительное время связаны и союзными, и враждебными отношениями.

«Вся Половецкая земля», подобно «всей Русской земле», известна в летописях. Когда Юрий Долгорукий двинулся «в Русь» для захвата Киева, с ним, кроме собственных войск, шла «вся Половецкая земля, что же их межи Волгою и Днепром» (И, 455). После поражения Игоря половцы собрали «весь язык свой на Рускую землю» (И, 646). В «Слове» мы наблюдаем устойчивые параллелизмы: Игорь навел полки — «на землю Половѣцкую за землю Руськую»; он бежал «изъ земли Половецкой на землю Рускую»; неудачная битва Игоря произошла «среди земли Половецкыи. Чръна земля. . . костыи была посьяна. . . , тугою въздоша по Рускои земли»; когда-то князья начали «наводити поганя на землю Рускую. . . Которою бо бѣше насилие от земли Половецкыи».

Интересы автора «Слова», о которых в данном случае идет речь, ограничены взаимосвязями «земель» Русской и Половецкой. Никакие другие «земли», хорошо известные летописям, в «Слове» не упоминаются. Обращения «Слова» к князьям, не относящимся к «Русской земле», имеют персональный характер и не являются обращениями к тем княжествам, которыми они владели. Только в одном случае имеется определение, указывающее на владение князя: «Галчкы Осмомыслъ Ярослав!».

Автор «Слова» — горячий патриот «Русской земли», в том ее обычном понимании, какое имеет место в «Слове» и в летописях. Он с несомненным патриотическим пиитетом относился и к «старому времени», т. е. к Киевской империи Рюриковичей, когда был «давний великий Ярославъ», а «Того старого Владимира нельзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ киевскимъ». Но в «Слове» нет указаний на то, что авторский патриотизм простирался на все восточнославянские княжества, ему современные: это и неудивительно, так как в эпоху феодальной раздробленности патриотическая идеология имела локальный характер.

Историческое подтверждение такой идеологической закономерности мы находим в летописи, например при характеристике Мстислава Храброго (брата героев «Слова» — Рюрика и Давыда). Когда его звали новгородцы на княжение, он «не хотяше ити из Руской земли, река им, яко не могу ити из отчины своей и со братьею своею разойтися. . . , хотя страдати от всего сердца за отчину свою всегда бо на великая дела тьснася. . . , хотя исполнити отечьствие свое» (И, 606—607).²⁸ Употребление здесь слова не только обычного — «отчина» (родовой домен), но и очень редкого в летописях, более широкого — «отечьствие» (отечество), — весьма знаменательно. Летописец выходит за пределы распространенных рассуждений о владениях князей, он говорит именно о патриотизме Мстислава и связанных с этим переживаниях. Братья сказали ему — «аже зовутья с честию, иде, а тамо не наша отчина», он согласился, но подумал: «. . . то не могу никако же Руской земле забыти» (И, 607). Далее этот патриотизм подтверждается при помощи сопоставления двух разных

²⁷ Стилистически «Русская земля» адекватна (в качестве антипода) «Половецкой земле»; может быть, поэтому автор пользуется только этим словосочетанием и не употребляет название «Русь» (встречающееся в летописях в том же значении, что и «Русская земля»).

²⁸ «Отечьствие» — «отечество», «родина»; см. именно этот летописный пример в данном значении: Срезневский. Материалы, т. II, стлб. 833.

«земель», в которых пришлось княжить Мстиславу. Когда он умер (1179 г.), в некрологе говорилось — «всегда бо тосняшется умерети за Рускую землю и за хрестыян», «от всею сердца бяшется за отчину свою», «и плакашеся по нем вся земля Руская», «и плакашеся по нем вся земля Новгородская» (И, 610—611). На фоне этих примеров достаточно отчетливо видно, что патристические идеалы автора «Слова» связывались только с «Русской землей».

В строгой зависимости от концепции понятия «Русская земля» летопись выделяла несколько других производных понятий, также весьма важных для изучения «Слова». Так, по признакам того же географического и политического ареала создавалось представление о «русских князьях», которое в эти времена не применялось для обозначения всех восточнославянских князей. «Русские князья» не смешивались с князьями «суздальскими», «рязанскими», «галицкими» и др. Например, Святослав созвал свою «братью», принадлежавшую к «русским князьям», — Ярослава, Игоря, Всеволода (буи тура) — «и поча с ними думати, хотя на рязанский князи» (И, 697). Персональный состав «русских князей» был хорошо известен современникам. Летопись так описывала ожидание Святославом (1179 г.) Ростиславичей южнее Треполя для похода на половцев: «Слышавше же князи рустии поидоша за Сулу. . . половци яшася бегу» (И, 613); в марте 1185 г. о Святославе и Рюрике сказано: бог дал «победу князема рускыма» (И, 636). Подобно «всей Русской земле», в летописи фигурируют и «все русские князья», как вполне определенное ограниченное объединение. Собираясь в поход на половцев (июль 1184 г.). Святослав и Рюрик послали за князьями переяславским, луцким, туровским, пинским, городенским, дубровицким. Эта княжеская группировка получила в двух летописях разные, но корреспондирующие обозначения: по южной версии — Святослав «посласта по околнии князи» (И, 630), по северной версии — «ходиша бо князи рустии вси на половце» (Л, 374). Иначе говоря, для суздальского летописца «все русские князья» — это именно те, которых киевский летописец назвал «окольными». Точно так же, по суздальской летописи, после поражения Игоря Святослав «посла по сыны свои и по вси князи» (Л, 378), — тогда к нему явились его сыновья Олег и Владимир, его «свят» Рюрик, еще какие-то безымянные (мелкие) дополнительные силы — «со инеми помочьми». Летописный контекст не позволяет нам воображать, что Святослав, пославший за двумя своими сыновьями, и, кроме них, — «по вси князи», — решил собрать всех тех могущественных знаменитых и отдаленных князей, к которым обращало свой поэтический призыв «Слово».

Вот еще показательный пример того, кого именно считали «всеми» русскими князьями. В 1187 г. Рюрик сказал Святославу: «Ты, брате, еди в Черньигов, совокупися же со братьею своею, а яз сдесе, — со своею. И тако совокупившеся вси князи руские поидоша по Днепру» (И, 653). В этом походе на половцев участвовали Рюрик, Святослав и Ярослав (Черниговский), видимо — со своими ближайшими вассалами.

Таким образом, в общественном сознании эпохи — «всеми» русскими князьями считались только те князья, которые были сюзеренами или вассалами «всей Русской земли» (Среднего Поднепровья), а отнюдь не все восточнославянские князья. Однако и эта группа южнорусских князей, за исключением Святослава и Рюрика, третьестепенных князей, не всегда бывала единой, так как и она раздиралась политическими противоречиями. Из состава «русских князей» выделялась особая маленькая группа родичей Святослава, которая подчинялась ему только в тех случаях, когда это представлялось ей выгодным, и успешно уклонялась от его воздействия в других случаях. Это была его «своя братья» (И, 630), или

«Ольговы внуки» (Л, 376), т. е. герои «Слова» — Ярослав Черниговский (брат Святослава), Игорь (двоюродный брат Святослава) и его группа. В июле 1184 г., имея в виду Святослава и Рюрика, Игорь сказал Всеволоду (буи туру), Святославу Рыльскому, Владимиру Игоревичу и дружине: «Половци оборотилися противу руским князем, и мы без них купаймся на вежах их ударити» (И, 633). Подчеркнутая здесь обособленность северских князей («мы»), отделивших себя от «русских князей», была связана с прецедентом предшествующего похода на половцев (весной 1184 г.), когда Владимир Глебович Переяславский потребовал для себя у Игоря места в авангарде на следующем основании, отделявшем его от северских князей: «Князи бо русции дале бяхуть наперед ездити в Руской земли» (И, 628).

В «Слове» по отношению к северским князьям (как и в отношении их владений, будто бы входивших в состав «Русской земли») дается несколько расширенное толкование — они относятся к «русским», выступают как «русичи» — «русици», у них «руская плъкы», «жены руския».

В соответствии с представлениями о «Русской земле» и «русских князьях» летопись четко выделяет «русские полки», не смешивая их с войсковыми частями других княжеств. Когда Андрей Боголюбский (1174 г.) «исполнися високоумья» и «ражъся гневом» на Ростиславичей, он послал на «Рускую землю» свои войска, в составе которых, естественно, не было «русских», а были — «суждальци, володимерци, переяславци, белозерце, муромце, и новгородце, и рязаньце» (И, 574). Против них Ростиславичи и их союзники собрали «и кыяны совокупивше, и берендеиче, и Поросье, и всю Рускую землю полкы» (И, 575). Аналогичные примеры наблюдаются во многих случаях. Так, обороняя Владимиро-Суздальское княжество от Святослава, навстречу ему вышел Всеволод с «суждальскими полки и с рязанскими полки и муромскими» (И, 618). «Рязанские полки» напали на обозы Святослава, но его союзник Всеволод (буи тур), быстро приблизившись «и руским полком и своим полком», исправил положение, — «и тако рязанские князи утекоша» (И, 618). Отсюда ясно, что «суздальские», «рязанские» и другие «полки» не считались «русскими полками». Кроме того, «русские полки» (Святослава) отделяются здесь и от пришедших с ними «своих» полков Всеволода, очевидно трубчевских и курских (в «Слове»: «А мои ти куряни свѣдоми къмети»), т. е. снова наблюдается обособление представителей Северской земли. Но при поражении Игоря (1185 г.) летопись дает несколько более обобщенное определение его «полков» в связи с их противопоставлением половецким «полкам»: «. . . усретоша полкы половецкые», «. . . видяхом полки половецкие» (И, 628, 630): «. . . мнози ранении. . . быша в полках русских» (И, 641). В «Слове» дается аналогичное противопоставление: «А поганого Кобыяка. . . отъ. . . плъковъ половецкыхъ. . . выторже», «. . . руская плъкы оступиша».

Упоминает летопись и о «русских воинах» в определенном контексте: в результате похода Мстислава Киевского на половцев (1168 г.) «всим руским воем наполнитися до избылья» трофеями (И, 540). От «русских» воинов ясно отличаются, например, «вое новгородские» (И, 607). Таким образом, вполне определенные военные ситуации, связанные с постоянными междоусобными войнами, позволяют ясно отличить «русские полки», «русских воинов» от всех иных военных сил, принадлежащих к той же народности, но так не называемых.

Помимо указанных военных ситуаций, летопись отмечала и другие феодальные отношения между княжествами, которые тоже выделяли «русские» элементы как совершенно обособленные. Например, когда Ростиславичи (в их числе и герои «Слова» — Рюрик и Давыд) на некоторое время овладели частью владимиро-суздальских земель, они ста-

вили по городам свою администрацию, т. е. — раздавали «посадничество русьским детьцкым, они же многу тяготу людем сим створиша продажами и вирами» (Л, 355). Отсюда видно, что «русских детских» суздальская летопись расценивала как иноземных угнетателей.

* * *

«Русская земля» для многих князей, владевших иными землями, долгое время еще оставалась вожделенной целью их политических и военных усилий (как это было, например, для Юрия Долгорукого), и древняя ее слава сохраняла свое очарование. Но уже новое поколение князей, особенно владими́ро-суздальских и галицко-волинских, стало проявлять к ней совсем иное, только терпимое, а иногда даже и отрицательное отношение. В этой связи наибольший интерес представляет появление новой концепции понятия «Русская земля» в воззрениях и действиях Андрея Боголюбского.

После разгрома Андреем Киева (1169 г.) он стал рассматривать «Русскую землю» как свою провинцию; Андрей «разгневался на Ростиславичи» и решил их изгнать: «Давыдови рци, — а ты поиди въ Берладъ, а в Руской земли не велю ти быти» (И, 573). Ростиславичи (в их числе Рюрик и Давыд) отказали Андрею, заявив: «. . . нам путь кажеши и изъ Руськой земли без нашея вины» (И, 570). Идеологические претензии Андрея (после его смерти) были пояснены Кузьмищей Кияниным, когда он «нача плакати» над князем.²⁹ Если к Андрею, по словам Кузьмища, «гость приходил из Царягорода, и от иных стран, изъ Руской земли, и аче латынин, и до всего хрестыянства и до всее погани, и рече (Андрей, — А. Р.): „Введе ѝ въ церковь и на полаты, да видять истиньное хрестыянство и крестятся“» (И, 591). Так полуполовец (по матери, половецкой ханше), Андрей усердно стремился обосновать новый религиозно-политический миф «истинного» православия, с тем чтобы опорочить традиционное представление о «Русской земле». Современникам было достаточно хорошо известно, что Киевская Русь приняла христианство от Византии, что киевская митрополия зависела от царьградского патриарха и, в свою очередь, ставила епископов в разные княжества, и в тот же Владимир. Именно поэтому Андрею было необходимо унижить авторитет Царьграда, а «Русскую землю» приравнять к «землям» иностранным и даже иноверным, не обладавшим «истинным христианством», на которое уже безраздельно претендовал новый в русской истории «самовластец».

Горячий патриотизм «Слова» был обращен к сравнительно небольшой в эту эпоху «Русской земле». Но политическое (и даже религиозное) понятие «Русской земли» как мощного в свое время фактора объединительной государственной политики (до 30-х годов XII в.) во времена «Слова» безнадежно устарело. Сама «Русская земля» давно уже сделалась объектом приложения противоборствующих сил могущественных и суверенных княжеств. Для владими́ро-суздальских князей, насаждавших культ Богородицы (не случайно еще Андрей Боголюбский перенес с юга во Владимир греческую икону, впоследствии Владимирскую божью

²⁹ Как известно, в 1174 г. Андрея убили его придворные («свои милостыници»; НІ, 34). Утверждавшаяся Андреем «самовластная» политика потерпела неудачу, потому что Андрей, у которого не было опыта предшественников, предпринял крупные внешнеполитические акции (походы на Киев, Новгород, Волжскую Болгарию и др.), не ограничив положение собственной аристократии и не создав корпуса преданных ему «служилых людей». Эту ошибку Андрея отметил уже Кузьмище: «Господине мой, како еси не очютил скверных и нечестивых пагубоубийственных ворожьбит своих, идущих к тебе, и како еси не домыслил победити их, иногда побежая полкы поганых болгар?» (И, 590).

мать), «истинное христианство» и церковную литературу, вся идеология «Слова», традиционно киевская, дружинно-эпическая, в большей мере языческая, чем христианская, т. е. идеология, направленная к возрождению архаических традиций «Русской земли», не могла не показаться совершенно неприемлемой (скорее всего, «еретической»). Такая архаичная высокая поэзия (например, обращение Ярославны с мольбой не к Богоматери, а к солнцу, ветру и Днепру) лишней раз подтвердила бы представление этих властных и суверенных феодалов, что выходцев из «Русской земли» нужно заново крестить, чтобы они познали наконец «истинное христианство». Возвышенные идеализированные представления «Слова» о «Русской земле» с древним центром в Киеве были чуждыми новой концепции государства, которая складывалась во Владимиро-Суздальской земле.

Со временем это положение существенно изменилось. Не случайно «Слово» оказало сильное влияние на «Задонщину» (XV в.) именно тогда, когда идеи объединения русских земель вокруг Москвы вообще, и прежде всего — для борьбы с татарским игом, стали политически реальной перспективой ближайшего будущего.

Характерная для «Слова» ограничительная концепция «Русской земли» (как Среднего Поднепровья, с добавлением Посемья), свойственная феодальным представлениям именно изображаемой в нем эпохи, показательна для нас в том смысле, что она служит одним из свидетельств подлинности и древности этого великого поэтического памятника.